

Куприн А. И. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М., 1954. С. 3–47. [Kuprin A. I. Sobr. soch. : v 3 t. Т. 3. М., 1954. S. 3–47.]

Никulina М. Стихи. Екатеринбург, 2002. 68 с. [Nikulina M. Stixi. Ekaterinburg, 2002. 68 s.]

Поляков А. Китайский десант. М., 2010. 144 с. [Polyakov A. Kitajskij desant. М., 2010. 144 s.]

Поляков А. «Я не знаю, что значит быть русским...»: Интервью Глебу Мореву [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/3386> (дата обращения: 08.07.2014). [Polyakov A. «Ya ne znayu, chto znachit byt' russkim...»: Interv'y u Glebu Morevu [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/3386> (data obrashheniya: 08.07.2014).]

Расторгуев А. «Овидием в провинции глухой...» // Урал. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/1/> (дата обращения: 10.07.2014). [Rastorguev A. «Ovidiem v provincii gluxoj...» // Ural. 2011. № 1 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/1/> (data obrashheniya: 10.07.2014).]

Статья поступила в редакцию 08.07.2014 г.

УДК 327.2 + 327.54 + 327.88 + 327(477.75) +
+ 327(470) + 81'272

И. Т. Вепрева
Н. А. Купина

«КРЫМСКИЕ» САНКЦИИ: КУЛЬТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ И ЕГО РАЗВОРОТЫ

На материале высказываний из текстов СМИ, включающих слово *санкции*, и высказываний, являющихся рефлексией на введение санкций против России, связанных с присоединением Крыма к РФ, интерпретируются развороты культурного сценария санкций, в значительной степени обусловленные активизацией в общественном сознании идей исторической справедливости, евразийства, независимости.

Ключевые слова: Крымские санкции; культурный сценарий; разворот; сигнал; идеологическое упрямство; идея исторической справедливости; идея евразийства; идея независимости.

Социально-политический кризис на Украине, обострившийся в связи с прошедшим 16 марта 2014 г. в Крыму и Севастополе референдумом, признанием Россией результатов референдума и присоединением Крыма и Севастополя к России в качестве самостоятельных субъектов Российской Федерации, трансформировался в кризис геополитический. Отметим хронологически последовавшие за проведением референдума события.

17 марта 2014 г., опираясь на результаты референдума, Верховный Совет Автономной Республики Крым провозгласил Крым независимым суверенным государством – Республикой Крым, в которой Севастополь имеет особый статус. Республика Крым обратилась к России с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации. В тот же день Владимир Путин подписал указ о признании в качестве суверенного и независимого государства Республики Крым. 18 марта 2014 г. президент России выступил с обращением к Федеральному Собранию РФ. После этого был подписан межгосударственный договор

о принятии Республики Крым в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации образуются новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Договор вступил в силу с даты ратификации Федеральным Собранием 21 марта. В этот же день был образован Крымский федеральный округ. Республика Крым и город федерального значения Севастополь 11 апреля были включены в перечень субъектов РФ в Конституции России, с 25 апреля 2014 г. между Крымом и Украиной установлена государственная граница России.

Международный резонанс на присоединение Крыма к России обусловил активизацию в речи слова *санкция*, которое стало употребляться только в форме множественного числа. Базой данных «Интегрум» в текстах СМИ в период с 17 февраля по 17 марта зафиксировано употреблений лексемы *санкции* – 4 171; в период с 17 марта по 17 апреля – 9 265; в период с 17 апреля по 17 мая – 5 683. Частотность обнаруживает ключевую функцию лексемы *санкции* в медиадискурсе (февраль-май 2014 г.). Зафиксированные «Интегрумом» высказывания со словом *санкции* и высказывания по поводу «крымских» санкций составили предмет специального лингвоидеологического исследования.

В юридической сфере слово *санкция* применительно к международному праву используется в значении «мера воздействия (экономического, финансового, военного и т. п.) на государства, нарушившие какие-н. международные договоры» [Крысин, с. 692]. В лексическом значении заложен стержень «культурно обусловленного сценария» [Вежбицкая, с. 392–398]: определенное государство совершает действие, нарушающее международное право; другое государство принимает те или иные меры воздействия на нарушителя. Возникают субъектно-объектные отношения, заключенные в определенные темпоральные рамки: государство, вводящее санкции, выступает как субъект-действователь, а государство-нарушитель – как объект силового воздействия. И ролевые функции субъекта, и ролевые функции объекта могут осуществляться, в зависимости от ситуации, соответственно одним, двумя, несколькими государствами.

Нельзя не отметить отраженные в лексической семантике представления, фиксирующие фрагмент «наивной картины мира» [Апресян, с. 351]. Оставляя за пределами статьи дискуссионные вопросы лексикологического направления «гумбольдтианской лингвистики», сошлемся на интерпретацию данного направления в статье М. М. Руссо [Руссо, с. 15–21]. Речевое существование текущего времени (февраль-май 2014 г.), отраженное в текстах СМИ, позволяет репродуцировать культурный сценарий «крымских» санкций на фоне общих параметров сценария международных санкций.

Темпоральные сигналы распределяются следующим образом: а) период разработки санкций: (Запад) *грозит / угрожает санкциями* (далее также *с.*), *разрабатывает / готовит / предлагает ввести с.*; б) момент объявления санкций: *введенные с.* // *с. одобрены / объявлены / введены / приняты* // *введение / одобрение / объявление / принятие с.*; в) продленное настоящее время действия санкций: «*Санкции только начались. Вице-премьер Дмитрий Рогозин заявил журналистам, что... первая волна — лишь проверка на шивовость*»; г) ближайшее реальное

будущее: «В понедельник обсуждается принятие *санкций* против 15 граждан России и нескольких компаний в Крыму. Это уже *вторая волна санкций*; Запад *угрожает* России *третьей волной санкций*»; «Запад *грозит* расширением *санкций*» и др. Ср.: «Евросоюз определил *три степени санкций* против России. Самыми жесткими *будут экономические санкции*».

Правовое нарушение, послужившее юридической причиной введения санкций, в текстах СМИ не обсуждается. Отсутствуют ссылки на конкретные международные соглашения. Типичны выражения: *Санкции будут введены / санкции введены из-за событий на Украине; за Крым, из-за Крыма / из-за присоединения Крыма и Севастополя; за изменение статуса Крыма; в связи с украинскими событиями; за «антиукраинскую» политику* и т. п. Ключевыми словами становятся топонимы *Крым, Севастополь, Украина*.

Юридический аспект проблемы вытесняется введенным в сценарий культурно-историческим комментарием, охватывающим дальнюю ретроспекцию: «Такое впечатление, что и в Европе, и в Вашингтоне, несмотря на весь словесный запал, *исторические права России на Крым* “в глубине души” всё-таки признавали»; «На фоне возвращения Россией своих *исторических земель в Крыму* и Малороссии Запад, пока что угрожать нам открытой большой войной (она неизбежно будет ядерной), видимо, не решаясь, готов к наложению серьезных *санкций*».

Исторический разворот «крымского» сценария санкций детерминирован «геополитическими и социально-политическими обстоятельствами русской истории» [Емельянов, с. 53], сформировавшими национально одобряемую идею исторической справедливости, которая выступает в функции аксиологического регулятора.

В значительной степени трансформируются заложенные в общем сценарии международных санкций субъектно-объектные отношения.

Субъект, планирующий и/или осуществляющий *режим санкций*, мыслится как собирательный: *Запад решил на санкции против России*. Собирательное значение субъекта, позицию которого занимают названия стран, расположенных в направлении запада, — Западной Европы и Америки — возникло при противопоставлении странам бывшего СССР и Америки и зафиксировано толковыми словарями [см., например, Толковый словарь, с. 258]. Устойчиво употребляются сочетания *западные с., с. Запада*. Идея объединения ряда государств, ополчившихся против России, передается сочинительными сочетаниями *Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз, США и ЕС, США и Европа*: «Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз решительно возражают против включения Крыма в состав Российской Федерации»; «Стоит ли России бояться *санкций* со стороны *США и ЕС* “за Крым”?»; «*США и Европа* ввели *санкции* против России в ответ на “антиукраинскую” политику»; «*США и Европа* пообещали, что следом за первым “*пакетом санкций*” последуют другие». Наряду с отмеченными для обозначения собирательного субъекта санкций употребляется новообразование *санкционеры*: «*Санционеры* пригрозили расширить список персональных *санкций*».

Конкретные субъекты-действователи: *США, Вашингтон, Белый дом, Конгресс США*: «*США* ввели *санкции* против России»; «*Санкции*, на которые пошел *Вашингтон*, были скорее символическими»; «Все ждали, какие же *санкции* против

России объявит *Белый дом*»; «*Конгресс США одобрил санкции против России*». Конкретный субъект санкций — международная организация: «Против России были инициированы *санкции ПАСЕ*».

Субъект-действитель в ряде случаев персонифицируется: «*Президент Обама уже подписал указ о том, чтобы санкции были наложены, если “Россия не прекратит давление на Украину”*»; «*Ангелой Меркель одобрены санкции, введенные против России*».

В соответствии с общим культурным сценарием объектом санкций (с.) является государство, а именно Россия. Устойчиво употребляются сочетания: *с. против России / Москвы / Кремля*. Россия, таким образом, оказывается одна: на нее «давит» собирательное / скоординированное множество государств. Ожидаемым в контексте известного афоризма императора Александра III («У России есть только два союзника: армия и флот») является горькое признание: «Союзниками России являются “ядерный щит”, оборонный комплекс, специальные службы, наши колоссальные территории и ресурсы, интеллектуальные способности и воля народа. Скорость возврата Крыма в лоно Родины — яркий тому пример».

Неожиданный сценарный разворот — дробление объекта: *с. против банка / банков; с. против компаний; с. против российских чиновников; с. против Путина; с. против «путинских» олигархов; с. против друзей Путина*. Актуализируется сочетание *попасть под с.*: «*Под санкции попали более 107 россиян*»; «Российские авиакомпании, эксплуатирующие самолеты иностранного производства, могут *попасть под санкции*»; «*Под санкции попал банк “Россия”*» и т. п.

Вопреки общей сценарной схеме происходит мена субъектно-объектных позиций. Распространение получают высказывания с однокоренными словами *ответить, ответ, ответный*. Например: «...МИД России *ответил* адекватно и обнародовал список представителей США, в отношении которых также введены *санкции*. При этом во внешнеполитическом ведомстве отметили, что разговаривать с Россией языком *санкций* контрпродуктивно и неуместно, а на каждый враждебный выпад будет найден адекватный *ответ*»; «В ближайшее время коммунисты проведут гражданско-патриотическую кампанию: всех жителей России они попросят отказаться от товаров из США — как продовольственных, так и промышленных. <...> В КПРФ *в ответ на санкции* со стороны США планируют призвать россиян к массовому бойкоту американских товаров»; «Западные *санкции*, выставленные России за воссоединение с Крымом, поражают скаредной избирательностью. Что будет, если Россия адекватно *ответит на санкции*?»; «Собственно, Белый дом скорее всего и старается спровоцировать Россию на жесткие *ответные санкции*, многие из которых по факту ударят по благосостоянию ее же граждан»; «*Ответные санкции* со стороны России всегда возможны».

Объекты силового давления становятся субъектами сопротивления и ответного давления: «Госдума и Совет Федерации готовят *санкции* против бизнеса США». Трансформация приобретает антропоцентрическую направленность: «Сотрудники некоторых московских офисов и магазинов близко к сердцу приняли *санкции* США против российских чиновников и решили самостоятельно наказать обидчиков». Некоторые высказывания имеют акцентированную шутовскую окраску: «Российские предприниматели решили в шутовской форме ответить

Белому дому на *санкции*, которые он принял против чиновников РФ. Своими *санкциями* он оскорбил нашего президента и депутатов. Ввести *санкции* против Белого дома предлагают и муниципальные депутаты столицы».

Прогнозируемая ситуация находит образное воплощение: «*Санкции — оружие обоюдоострое*»; «*Бумеранг санкций больно ударит по западным партнерам*». Номинаруются объекты санкционного воздействия за пределами России: «Дискуссия о том, кому в итоге будет хуже от планируемых США и Евросоюзом новых *санкций*, не утихает ни на мгновение»; «В случае введения ЕС *санкций* против России сама *Европа* понесет огромный ущерб»; «Большой вопрос: *против кого эти санкции* направлены с точки зрения максимального ущерба»; «*Экономические санкции* окажут негативное влияние прежде всего на экономику самой *Германии*. Торговый оборот ФРГ и РФ в минувшем году составил 76 млрд евро, бизнес с российскими предприятиями ведут около 6 тыс. *германских фирм*, а общий объем их инвестиций составляет 20 млрд евро. Около 300 тыс. рабочих мест в *Германии* зависят от экономических отношений с Россией»; «*Франция* может легко проявить активность и расторгнуть многострадальный контракт по “Мистралям”. Но сами французские чиновники говорят, что подобные *санкции* — “оружие последнего удара”, из-за того что отмена контрактов прежде всего ударит *по французской экономике*»; «*Западные компании*, которые планировали расширяться, теперь боятся, — ведь есть вероятность, что им вообще придется сворачивать бизнес в России из-за экономических *санкций*»; «Председатель совета директоров Каменск-Уральского металлургического завода считает, что закрытие для КУМЗа американского рынка принесет потери не только нам, но и *США*».

Заданные сценарными канонами субъектно-объектные отношения и включенная в крымскую ситуацию мена субъектно-объектных позиций, как следует из разворотов сценария, сводят на нет многолетние международные контакты, а также влекут за собой обидные культурно-гуманитарные последствия. Ср.: «Решение, принятое в рамках *санкций* в отношении Москвы в связи с событиями вокруг Крыма, наносит серьезный ущерб усилиям по стабилизации ситуации в Афганистане и вообще ставит под вопрос готовность международной коалиции сделать всё необходимое для поддержки Афганистана»; «Из-за *санкций* США против России могут пострадать финские поклонники Джастина Тимберлейка и Майли Сарус».

Российское самосознание исключает возможность силового диктата извне. Страна не воспринимает себя объектом давления: «Сырьевой, энергетический, минеральный, территориальный, военный вес России настолько большой, что *санкции* в первую очередь ударят по тем, кто их объявит». Ср.: «Успехи в приведении стран-сателлитов — и даже полусателлитов, которой была Украина при Януковиче, — к покорности еще ничего не говорят о способности усмирять державу, которая есть что угодно, но только не американский сателлит»; «Будем считать, что США чисто эстетически понравилась идея “говорить языком *санкций*”, как это называет наш МИД, причем именно с великой Россией, страной Толстого и Достоевского».

Политические, финансовые, экономические, торговые, военные, визовые, психологические и другие *санкции* оцениваются по-разному — как *жесткие* и *мягкие*,

опасные и чисто символические. Спектр оценок реализуется в предложениях, организованных по модели «**Санкции — это...**» Например: **Санкции (с.) — это наказание за процесс объединения России и Крыма; с. — это попытка дискредитировать Россию; с. — это расплата за Крым; с. — это давление на Россию; с. — это попытка дискредитировать Путина; с. — это беспрецедентное решение, подобного не было даже в годы холодной войны; с. против России — это с. против Запада / против самого Евросоюза.**

Неоднократно повторяется суждение: **Санкции** — это попытка изолировать Россию, а также сочетания *политическая изоляция, экономическая изоляция.* Исключение возможности изоляции страны, которая умеет держать удар, сопровождается прогнозированием возможных негативных последствий: «Изолировать такую державу как Россия не в состоянии даже США. Но сильно затруднить доступ к рынкам, финансовым и технологическим ресурсам они могут». Формой сопротивления является вербализация идеи евразийства: «Развод России с Западом, прекращение попыток во что бы то ни стало сохранить иллюзию партнерства, когда его нет, — вероятный итог последних событий. <...> **Санкции** ускоряют поворот Москвы на Восток, и так уже объявленный на высшем уровне. Главное, не сбиться с общего курса, замкнувшись на эмоционально важном, но стратегически не магистральном ответвлении». Между тем эмоциональные реакции преобладают: «**Санкции** против России — это как пощёчина».

Типичны реакции фамильярно-снисходительные: «**Санкции** — это номинация на политического Оскара»; «**Санкции** — это жалкая самодеятельность»; «**Санкции** Запада — это бессильная красота политического жеста»; «Нынешние **санкции** и санкциями назвать сложно»; «**Санкции** Запада против России — это удар мимо цели»; «**Санкции** — это игра с нулевым результатом»; «**Санкции** из-за Крыма — это укусы комара».

Меры давления на Россию вызывают откровенный смех у официальных лиц, журналистов, пользователей Интернета: «*Посмеялся над санкциями ЕС и США вице-премьер Дмитрий Рогозин*»; «Первый список российских официальных лиц, попавших под американские *санкции*, вызвал у обозревателей *гомерический хохот*»; «В случае с Мизулиной Запад выглядит откровенно *смешным*»; «Мы *шутим*, издеваемся, *смеемся над* этими *санкциями*. Я кликнула клич в сети: сегодня ребята соберутся у посольства США. Будем сочинять кричалки»; «Первая волна *санкций* оказалась откровенно *смешной*».

Смеховые реакции, шутливо-иронические высказывания-рефлексивы не соответствуют модальности долженствования, заданной общекультурным сценарием международных санкций: «*Наши люди посмеиваются над словом “санкции”, в то время как Запад очень серьёзен*». В то же время данный вид рефлексии обусловлен ментально заданной установкой: «С Россией нельзя говорить на языке санкций»; «Владимир Путин показал, что оглядываться на Запад не собирается и страшное слово “*санкции*” его не пугает».

Актуальность слова *санкции* очевидна: «Слово “*санкции*” сегодня звучит “из каждого чайника”»; «В политический лексикон вернулось полузабытое с советских времен слово “*санкции*”»; «В последние месяцы Россия стала окончательно ассоциироваться для западного обывателя со словом “*санкции*”,

которое оттеснило привычные лингвистические символы — матрешка, водка, калинка-малинка».

Особый интерес представляют прямые и опосредованные реакции на санкции против лиц, включенных в *черный список Белого дома*. Например:

— Неужели они всерьез могли предполагать, что в силу таких *санкций* я изменю свою позицию в отношении справедливости воссоединения Крыма с Россией? Конечно, нет! Я горжусь и буду гордиться, что принял участие в этом великом историческом событии. В том, что почти 2 млн граждан вернулись на свою фактически историческую родину. А *санкции* против меня и других россиян противоправны, неразумны и просто смешны (реакция председателя Государственной думы Федерального собрания РФ Сергея Нарышкина). Ср.:

— Блеск! Меня обвиняют в том, что я занимаюсь пропагандой, что я пропагандист. Но пропаганда с греческого — распространение информации, идей, мыслей, мировоззренческих позиций. Интересным образом Запад использует это слово как ругательство... (реакция журналиста Дмитрия Киселева)

Остро воспринимается формулировка *санкции за статус*: «Сама формулировка “*санкции* наложены *за статус*” выглядит крайне странно. После мрачной преамбулы с традиционной американской риторикой о том, что Россия угрожает “безопасности, стабильности, суверенитету, территориальной целостности Украины” (и вообще, видимо, всему хорошему, что есть в мире) уже хочется увидеть список преступлений этих людей. Ну так, чтобы пафос не повис в воздухе. Момент-то серьезный».

Подчеркивается непродуманность и нелепость персональных санкций, *санкционных списков*:

«Валентина Матвиенко — *санкции* наложены за ее *статус* главы Совета Федерации».

«Сергей Глазьев — *санкции* наложены за его *статус* советника Президента Российской Федерации».

«Елена Мизулина — *санкции* наложены за...»

Простите, думает в этот момент русскоязычный читатель, а при чем здесь Елена Мизулина? Какое отношение она имеет к украинскому кризису? Может быть, дело в законе о запрете гей-пропаганды среди несовершеннолетних? Но зачем тогда ее имя фигурирует в документе, посвященном Украине? Чтобы два раза бумажку не писать, что ли?

Не соответствует общему типу культурного сценария вектор отбора речевых средств — иронизмов и самоиронизмов: «*Карающий меч* упал, и *санкции* со стороны США и ЕС объявлены»; «*Санкции* ни к чему хорошему не приводят — *шакалье покусывание* России Западом в виде *санкций* ничем позитивным не обернется для тех, кто затеял эту самодеятельность»; «*Санкции* следует рассматривать... как властный интердикт, налагаемый на целую страну некоторым *вселенским первосвященником*»; «Запад действует с таким расчетом, чтобы ненароком не поднять из берлоги *русского медведя* и не выстрелить самому себе в ногу».

Средством выражения иронии являются прецедентные высказывания, «имеющие сверхличностный характер» [Караулов, с. 216]. Например: «Нынешние *санкции* пройдут, “как с белых яблонь дым”»; «Крови при аннексии Крыма

не было, и это существенно тормозит Запад в его желании “отмстить неразумным хазарам”».

В газетах распространены иронические заголовочные комплексы: «Маккейну не нравится Россия — слишком непослушная. *Дрессуре не поддаемся*»; «Решение НАСА свернуть сотрудничество с Роскосмосом вызвало недоумение экспертов. *Нестыковка вышла*». Ср. игровые заголовки: *Станции и санкции*; *Санкционная фея*; *Дядя Сэм грозит пальчиком*; *Очень нежная сила Запада*.

Легкомысленно-ироническому отношению к санкциям противостоят прагматические предостережения и прогнозы: «Наши СМИ в основном иронизируют по поводу *санкций* Запада против России. Но сегодняшние “смешки” могут аукнуться нам реальными неприятностями уже в ближайшем будущем. Чего надо ждать и как готовиться к преодолению грядущих бед?» Вот лишь некоторые прогнозы: «Если спираль *санкций* будет раскручиваться и дальше, то боюсь, что объем инвестиций ФРГ в РФ в 2014 году окажется вдвое ниже, чем в прошлом»; «Экономические *санкции* готовы перерезать торговые дороги, соединяющие Запад и Восток». В ряде случаев «грядущие беды» детализируются: «В связи с возможными *санкциями* США и Евросоюза подавляющее большинство российских авиакомпаний, эксплуатирующих самолеты иностранного производства, выполняющих регулярные рейсы в Крым и Севастополь, могут быть подвергнуты дискриминации на авиарейсах в Европу и Америку, таких, как отзыв разрешений на выполнение полетов воздушных судов, ужесточение требований к визовому режиму, поставке запасных частей и комплектующих воздушных судов иностранного производства, техническому обслуживанию и др.». Особо выделяются последствия персональных санкций: «“Крымские” *санкции* США создают новые неожиданные трудности для компаний, связанных с российскими бизнесменами из санкционного списка»; «В результате *санкций* пострадают те россияне, которых в Европе уже считают “своими”».

Используемая Западом тактика запугивания наталкивается на российское идеологическое упрямство — «национальную гордость великороссов»: «Прямая цитата из распоряжения Обамы: “Сегодняшние действия посылают мощный сигнал российскому правительству — их действия повлекут за собой последствия...” Нет, подождите, вы серьезно?»

Высокомерие, недооценка России, которую сенатор Джон Маккейн назвал «бензоколонкой, пытающейся выдать себя за страну», опровергается свершившимся фактом: «Крым и Севастополь — вновь российские. Впервые после развала Советского Союза нарушена гегемония США на патронат и кураторство любых значимых геополитических решений в мире». Недальновидность Запада оборачивается стратегической победой «недостраны»: «Воссоединение Крыма с Россией тяжело переживается американскими и европейскими элитами: они *не ждали* подобного развития событий. Похоже, тотальному доминированию Запада в мировой политике приходит конец».

Возникают вопросы, спроецированные на ближайшее будущее: что дальше? что делать? Ответы на эти вопросы свидетельствуют о непредсказуемом развитии «крымского» сценария. Основной вектор развития определяется лейтмотивом «санкции полезны для России».

Общие и частные формулировки, поддерживающие лейтмотив, транслируют смыслы «выгода», «мобилизация сил», «перспективы развития»: «Россия от *санкций* только выиграла»; «Сегодня Запад своими *'санкциями'* может сделать для нас то, что мы не делали и не хотели делать многие десятилетия. В условиях *санкций* и возможной экономической изоляции бизнесу придется активно перестраиваться, и тем отраслям, которые будут развиваться, поддержка государства, безусловно, обеспечена. Мы должны поверить в себя, в свои силы, мобилизоваться и радикально изменить всю экономическую и социальную политику, мы должны начать создавать альтернативный центр развития»; «*Санкции* заставят отечественную промышленность работать только лучше, проводя активную политику импортозамителя»; «*Санкции* США и ЕС дают нам редкий шанс перейти на здоровое питание» и т. п.

Типичные прогнозы: *санкции подстегнут / стимулируют / дадут новый импульс развития / заставят заняться реформами российской экономики*, потому что «нет худа без добра».

Вот один из показательных примеров, свидетельствующий об оздоровляющем воздействии санкций вопреки замыслам *санкционеров*: «Банк «Россия» — жертва *санкций*, пятнадцатый в рейтинге российских банков — заявил, о том, что будет работать только на местном рынке и только с рублем». Под давлением санкций активизируются изобретательность, бесстрашие, умение держать удар, рисковать и выигрывать, действовать нестандартно, по-русски: «Своим решением банк «Россия» открыл для РФ не только множество экономических перспектив. Он показал, что *Россия способна выдержать любой удар, готова ответить на любой вызов со стороны недружественных соседей*. Более того, *с настоящей русской смекалкой* она умудряется *извлечь максимум пользы* из сложившейся ситуации, *становясь еще богаче и сильнее*».

В условиях санкций естественной становится демонстрация национальной идеи независимости: «Банк «Россия» принял решение работать только на отечественном рынке и лишь с рублями. Таким образом, в стране появилось первое национальное кредитное учреждение, абсолютно независимое от международных финансовых институтов. Гуд бай, Америка!»

«Крымский» сценарий санкций имеет открытый финал: «*России после геополитической победы в Крыму* необходимо приступить к серьезному внутреннему переустройству. Мы, безусловно, должны извлечь из *санкций* уроки».

«Антиномичность России, жуткая ее противоречивость» [Бердяев, с. 3–4] в значительной степени объясняет развороты сценария «крымских» санкций. Свойственные русскому народу формы поведения, которые «не укладываются... в средний стандарт» [Ермакова, с. 127], ярко обнаруживают себя в разворотах, не предусмотренных общим сценарием международных санкций: и в мене субъектно-объектных отношений, и в осознании национальной самодостаточности, и в оценочной переакцентуации происходящего, и в ценностном предпочтении правды истории силе права, и в демонстрации национальной идеи независимости. Неожиданные развороты сценария «крымских» санкций оказываются ментально обусловленными.

Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 2 : Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995. 767 с. [Aprėsjan Ju. D. Izbr. tr. T. 2 : Integral'noe opisanie i sistemnaja leksikografija. M., 1995. 767 s.]

Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. 346 с. [Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii. M., 1990. 346 s.]

Вежбицкая А. Личности, сформированные культурой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 392–398. [Vezhbickaja A. Lichnosti, sformirovannye kul'turoj // Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1996. S. 392–398.]

Емельянов Б. В. Русский менталитет: возможности толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М., 2005. С. 51–59. [Emel'janov B. V. Russkij mentalitet: vozmozhnosti tolerantnosti // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti : kollektiv. monogr. / отв. red. N. A. Kupina, M. B. Homjakov. M., 2005. S. 51–59.]

Ермакова О. П. Толерантность и некоторые особенности русского менталитета в зеркале языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М., 2005. С. 124–131. [Ermakova O. P. Tolerantnost' i nekotorye osobennosti russkogo mentaliteta v zerkale jazyka // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti : kollektiv. monogr. / отв. red. N. A. Kupina, M. B. Homjakov. M., 2005. S. 124–131.]

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М., 2007. 264 с. [Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 6-e izd. M., 2007. 264 s.]

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005. 944 с. [Krysin L. P. Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov. M., 2005. 944 s.]

Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 1 (47). С. 12–24. [Russo M. M. Neogumbol'dtianskaja lingvistika i ramki «jazykovej kartiny mira» // Politicheskaja lingvistika. 2014. Vyp. 1 (47). S. 12–24.]

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008. 1175 с. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov / RAN. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova; отв. red. N. Ju. Shvedova. M., 2008. 1175 s.]

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.